

ЮЛИЯ КЛИМОВА

ЮЛИЯ КЛИМОВА

*В её сердце
акварель*

Москва
2018

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)1-44
К49

Художественное оформление серии *С. Груздева*

Климова, Юлия Владимировна.
К49 В ее сердце акварель / Юлия Климова. — Москва :
Эксмо, 2018. — 320 с.

ISBN 978-5-04-094775-1

Восемнадцатилетняя художница Олеся отправилась в деревенскую глушь, чтобы выполнить долг перед дальним родственником, помогавшим девушке долгие годы. Олеся ждут два таинственных дома, похожие друг на друга как две капли воды, семейные скелеты в шкафу и вопросы, так и не получившие ответов. А еще странный мужчина, жизнь которого благодаря неким обстоятельствам целиком зависит от счастливой улыбки этой рыжей девчонки.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-04-094775-1

© Климова Ю., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

Чем меньше слов, тем больше будет чувства.

*У. Шекспир
«Сон в летнюю ночь»*

Беззаботная, уверенная в своих действиях букашка торопливо перебирала лапками, преодолевая одно препятствие за другим. Позади остались тощая трухлявая береза, еще крепенькая прошлогодняя шишка, мятый дырявый целлофановый пакет, влажная кучка желто-коричневых еловых иголок, изогнутая шершавая ветка рябины, увешанная дождевыми каплями, острые копыя-травинки и многое другое. Масса впечатлений! К тому же можно гордиться собой: путь долгий, тернистый — не каждый справится. К сожалению, холодно и сыро. Летом, конечно, будет полегче, а пока — май месяц.

Букашка спустилась к земле, обогнула молоденький дубок, пробежала по пожухлым листьям, взобралась на стебелек, прыгнула и... ощутила под лапками тепло. Неведомая гигантская сила подняла ее вверх, затем опустила, вновь подняла и опять опустила.

Что это?

Привычные запахи леса мгновенно улетучились, теперь пахло чем-то другим: терпким, удушливым и странным... Запаниковав, букашка сначала попятилась, а затем, мечтая поскорее миновать опасный участок пути, рванула вперед, но мощный поток горячего воздуха подхватил ее и отшвырнул обратно — к молоденькому дубку.

ЮЛИЯ КЛИМОВА

«Я лечу!» — автоматически подумала букашка, надеясь приземлиться на сочный зеленый лист или целлофановый пакет, но только не на прошлогоднюю шишку!..

Глеб очнулся от продолжительной щекотки. Такое ощущение, будто глупое многоногое насекомое залезло в нос и, недолго думая, твердо решило пробраться к мозгу (и плевать этой скотине, что дороги туда нет!). Шумно выдохнув, не двигаясь, Глеб открыл глаза, перевел взгляд с сухого лишайника на пучок травы и мысленно выругался. Он уже давно не удивлялся — на небе и на земле не осталось ничего нового, — но реальность все же заставила брови приподняться, а в голове пронеслась быстрая цепочка слов: «Нет, нет... мы так не договаривались...»

Глеб лежал на земле, ровно дыша, прижавшись щекой к влажным листьям, с раскинутыми руками и ногами (морская звезда, да и только), а кругом шумел лес, ползали букашки, плели паутину пауки, жужжали мухи, перекрикивались птицы... Осознав это, уловив ноющую боль в онемевшей шее и пульсирующем ухе, Глеб перевернулся на спину, согнул правую ногу и прищурился. Вековые сосны, устремляющиеся к облакам и солнцу, хранили молчание, их совершенно не интересовало, откуда в их лесу появился человек, что ему нужно и какое у него настроение. А настроение у человека было паршивое, и если бы не слабость, поселившаяся в каждом позвонке, он бы резко встал и с удовольствием витиевато и многократно проклял бы каждый куст в округе.

— Что вы со мной сделали?! — крикнул Глеб в небо. — Какого черта?! Эй! Вы меня слышите?! — Вопросы не обрели форму, не взлетели и не устремились к адресату, в воздухе от

В ее сердце акварель

них не осталось даже полупрозрачного облачка. Осторожно поднявшись, растерев шею и поморщившись, Глеб осмотрелся и добавил тихо, но с долей злости: — Без сомнения, слышите и, безусловно, радуетесь...

Поддав ногой корягу, он схватился за поясницу, согнулся, выпрямился и неожиданно почувствовал себя лучше: перестали рябить деревья, звуки уже не казались столь болезненно-оглушительными, и непослушное тело теперь не качало из стороны в сторону.

— «Пять минут — полет нормальный», — прокомментировал Глеб и посмотрел на пыльную зеленую бутылку, валяющуюся рядом со старым пнем. Да, он бы сейчас выпил чего-нибудь крепкого, согревающего и съел бы хороший кусок мяса, обсыпанный черным молотым перцем. С хлебом. — Узнаю грешную землю, — с иронией произнес Глеб, небрежно стряхнул с рукава серой рубашки прилипшую грязь, расстегнул пуговицы и с удовлетворением обнаружил на себе любимую черную футболку. — Так-то лучше, хотя от теплого свитера я бы сейчас не отказался...

Не имело значения, в какую сторону идти: объяснение происходящего найдет его и в поле, и в болоте, и на дороге, которая, возможно отыщется в самое ближайшее время. Глеб глянул налево, направо и прислушался, но уже не к неутомимой природе, а к себе. Улыбка тронула губы, глаза блеснули: что ж, он по крайней мере не безоружен...

Рука сама потянулась к заднему карману джинсов — Глеб достал паспорт и банковскую карточку.

— Какого лешего?.. — тихо произнес он и присвистнул. Что бы это значило? Он же здесь ненадолго, правда? Максимум три дня, а дальше — как обычно: вперед и с песней!

ЮЛИЯ КЛИМОВА

Но паспорт, карточка... Глеб убрал и то и другое обратно в карман, потер заросший подбородок, поднял голову и крикнул: — Каюсь, был не прав, погорячился! Долго мне еще торчать в этих джунглях?!

Он вовсе не ожидал ответа; к тому же ситуация начинала забавлять, даже любопытно стало: сколько ему придется таскаться по лесу и «думать над своим поведением»? Память прекрасно сохранила все недавние события, но разве кто-нибудь мечтает что-то исправить?

«Уж точно не я».

Глеб развел руками, хлопнул ладонями по бедрам, осмотрелся в последний раз и медленно двинулся в сторону сосен. Темно-русые волосы находились в беспорядке, борода устрасала, широкая мятая рубашка болталась, зато черные потертые джинсы сидели идеально. Грязь на них хотя и присутствовала, но была незаметна.

«Какого лешего, говоришь? Похоже, я и есть леший», — самодовольно улыбнулся Глеб, сорвал листок с куста, сунул в рот, разжевал, выплюнул и поморщился:

— Отрава.

«Вроде становится ясно, зачем паспорт... Чтобы лет через сто многоуважаемые археологи смогли опознать мои жалкие останки. Глеб Андреевич Трофимов. Бесславно скончался в дремучем лесу в возрасте тридцати девяти лет в... А вот тут неувязочка выйдет. В каком же году я помер? Голову сломаете, братцы!»

Глеб хохотнул, взял левее, споткнулся о корень, торчащий из земли, чертыхнулся и продолжил путь.

«Природа... Цветы, березки... Каждая хрень на своем месте... Красота!»

В ее сердце акварель

Шум в ушах то появлялся, то исчезал, от него хотелось отмахнуться, как от назойливой мухи, однако Глеб не обращал особого внимания на помеху — у него обострились зрение и чутье, а это куда важнее. Вспыхнувший азарт уже шел с ним в ногу: подгонял, дразнил, волновал, заставлял шуриться и выискивать следы человека. Пустая бутылка — это хорошо, но лучше бы обнаружить дорогу или для начала тропу. Узкую, извилистую, истоптанную...

Глеб миновал плотные заросли орешника, проигнорировал ветку, хлестнувшую по щеке, поднял руки и пролез сквозь несколько рядов больших и маленьких елок. Он прошел около трех километров и только тогда, вновь испытывая короткие приступы злости и раздражения, увидел дом.

— О! — изрек Глеб, остановился, сунул руки в карманы и, будто скульптор, изучающий свое творение, наклонил голову набок. — Избушка, избушка, повернись ко мне передом, а к лесу задом. — Но дом не подпрыгнул, не подхватил фундамент, точно барышня юбки, и не изменил своего положения. — Какая жалость. Избушка, похоже, глухая. Эй, подруга, перед-то у тебя нормальный есть?! Хотя с таким задом — вряд ли...

Скользнув взглядом по крыше, стенам и окнам, Глеб произнес многозначительное «н-да», обнаружил тропинку и неторопливо, вразвалочку направился к ней.

В доме действительно присутствовала определенная нелепость. Огромный, частично каменный, частично дощатый, с широкими башнями-пристройками, тремя абсолютно разными трубами, узкой лестницей, выглядывающей из-за угла и устремляющейся к массивному балкону, он стоял на поляне, окруженный невысоким каменным забором и дере-

ЮЛИЯ КЛИМОВА

вьями, и производил, как ни странно, впечатление горделивого сооружения.

Несмотря на приближающийся вечер, свет в окнах не горел, но все же дом не был пустым и безжизненным — это Глеб уловил мгновенно. Пройдя по тропинке, он нагло перелез через забор, подошел к лестнице и коснулся потрепавшихся перил. Дорогое благородное дерево, подаренное дождям, ветрам, туманам и снегу...

«Давненько ты здесь стоишь», — подумал Глеб, рассматривая провода, тянущиеся по воздуху от одного столба к другому. Что ж, теперь понятно, куда двигаться дальше. Наверняка за соснами обнаружится деревня или дачный поселок.

— Ну и какой дурак тебя здесь построил? Молчишь? Твое право, только я и сам узнаю.

Прочитать мысли человека без его разрешения невозможно. Старайся, не старайся — не получится. Но если «жертва» даст согласие, тогда другое дело: меньше секунды потребуются на то, чтобы пробраться в чужой мозг и хорошенько прошерстить его. Опа! И ты уже знаешь чьи-то тайны и мечты (попался, голубчик). Правда, не всегда это приносит удовольствие, иногда такая шелуха или дрянь сыплется, что «жертве» хочется открутить башку. Хочется, а нельзя.

Зато с неодушевленными предметами проще — ни у кого не нужно спрашивать разрешения: что сможешь получить, то и твое.

Предчувствуя победу, Глеб широко улыбнулся, сделал несколько шагов, развернулся, прижался спиной к стене, поднял голову, коснулся затылком прохладных серых кирпичей, закрыл глаза и сосредоточился.

В ее сердце акварель

Дом не смог устоять перед таким спокойным, уверенным натиском, он позволил чужаку совершить невероятное и отдал те знания, которые тот потребовал.

Сначала темноту разорвал тусклый свет, а затем Глеб увидел немолодую женщину в длинном светлом одеянии. Она, похожая на полупрозрачное привидение, скользила по полу, держа в руке тонкую желтую свечу; огонь дрожал, танцевал, дергал тени и разбрасывал в разные стороны неровные круги. Женщина монотонно зажигала другие свечи, выстроенные на камине, столе, старомодном трельяже и комод. Ее спокойное лицо не выражало ничего, но в душе бушевало пламя, способное спалить и дом, и лес.

ГЛАВА 1

Леся зашла в квартиру, опустив голову и глядя на собственные ноги. Она бы еще зажмурилась, чтобы лишиться себя даже самой маленькой возможности увидеть рисунок линолеума или угол шкафа, но давно позабытые чувства, воспоминания, похожие на желто-фиолетовых бабочек, остановили ее от этого. Память шуршала страницами-крыльями, ерзала, волновала и заставляла улыбаться...

Расклешенная юбка из теплой клетчатой ткани, плотные колготки телесного цвета, высокие черные ботинки с рябыми шнурками и облезлыми мысками. Любимые ботинки. Да, нужно что-то придумать и хоть как-то продлить им жизнь.

«Летом отдохнете, а потом будет осень».

Все так же, не поднимая головы, не совершая лишних движений, Леся прошла на кухню и дотронулась до гладкой спинки деревянного стула. Осторожно придвинув его к себе, села за стол, достала из сумки коричневый кожаный планшет, открыла его, сначала коснулась кончиками пальцев белого листа, а затем — короткого, хорошо заточенного простого карандаша. Матерчатая сумка соскользнула с плеча и почти бесшумно опустилась на пол, теперь она походила на верную собаку, ждущую, когда же хозяйка закончит свои дела и наконец-то обратит на нее внимание.

В ее сердце акварель

«Как долго я мечтала об этом дне? Сто лет... Нет, двести или триста».

Интересно, абсолютная самостоятельность имеет вкус, запах, оттенки, форму? Каких углов у нее больше: тупых, прямых или острых? Получится ли перенести ее на бумагу, внимательно изучить, запомнить и прочувствовать?

Леся сжала карандаш и быстро, жадно стала рисовать. Линия пола, угол, потолок, навесные шкафы, холодильник, хлебница, небольшой диванчик, бра... Теперь правее... Обрывается плитка, и начинаются обои. Царапина! Над табуреткой была царапина! Хорошо бы она там осталась...

Как можно любить ремонт?

Какое право имеет краска прятать прошлое — безвозвратно, навсегда? И кому от этого становится легче?

Тюль, и сквозь него — подоконник. Фиалку в горшке рисовать не стоит, ее точно нет...

— Быстрее, быстрее, — шепотом поторопила себя Леся, сделала еще несколько штрихов и остановилась. Вот теперь можно медленно положить карандаш на стол, вдохнуть, выдохнуть и... поднять голову. Девять лет она не была в своей квартире, жила без этих родных и одновременно чужих запахов, без хлебницы и фиалки на подоконнике, без табуретки и царапины, а теперь в кармане лежат ключи, и начинается совсем другая жизнь. По-настоящему взрослая.

Голову Леся подняла решительно. Губы вновь тронула улыбка, потому что желто-фиолетовые бабочки опять вспорхнули в душе, вырвались на свободу и закружили, замелькали по кухне. Косметический ремонт — ерунда, реальность практически не отличалась от рисунка. От прошлого не отличалась.

ЮЛИЯ КЛИМОВА

«Я не забыла, — удовлетворенно подумала Леся и убрала от лица огненно-рыжие волосы. — Я дома».

Жизнь может заставить человека стать грамотным, везделивым, терпеливым, настойчивым, решительным, аккуратным или ироничным. Кто-то становится добрым, кто-то — злым. С Лесей случилась иная история: она отточила наблюдательность, и это качество тесно переплелось с талантом художника.

Когда же она впервые взяла в руки карандаш? Не просто так, а обдуманно, с острой потребностью перенести на бумагу окружающую действительность, мысли, мечты, желания?.. Когда умер отец и прошли поминки, чувства обострились до предела, и нужно было срочно начертить вокруг себя ровный квадрат, перешагнуть границы которого никто бы не смог. Запрещено. А углы — в качестве защиты, на всякий случай.

Да, она стала другой после смерти отца.

Не каждой сироте везет с родственниками, Леся же могла похвастаться одной бабушкой, целой армией тетей, дядей и приличной долей седьмой воды на киселе. Может, у ее многочисленной родни и не было бы сплоченности, организованности, но на большом и быстроходном корабле под названием «Наша Дружная Семья» денно и ночью дежурил бессменный капитан — Александра Петровна Жарова. Женщина высокая, крупная, не терпящая возражений и считающая, что мир держится исключительно на ее крепких плечах. Без нее, конечно, дети перестанут ходить в школу, непутевая Ирочка выйдет замуж за мужчину без средств, лысоватый и тощий Сергей Сергеевич бросит принимать лекарства и окажется на больничной койке, невезучая Антонина опять найдется в кармане мужа какой-нибудь компромат, а Зинка бро-

В ее сердце акварель

сит педагогический колледж и подастся в артистки, а хуже этого может быть только внебрачный ребенок или развод.

В детстве Леся смотрела на Александру Петровну с любопытством и осторожностью и всегда недоумевала: почему двоюродную тетьку слушаются почти беспрекословно? Как так получилось, что на семейные советы, проходящие в квартире Сергея Сергеевича, всегда является большая часть родни и каждый знает, за что его будут песочить, а за что хвалить? Непременный винегрет, консервированные овощи с грядок тети Маши, невкусный салат из рыбы, приготовленный ветреной Зинкой, знаменитые, чуть сладковатые пирожки с мясом Александры Петровны, очень тонко нарезанная и скрученная в трубочки докторская колбаса — обязательное застолье вначале, а потом каждый получает свое, заслуженное. Ссоры случаются, но они рассыпаются и тлеют, стоит только Александре Петровне сдвинуть брови и сверкнуть ее карим глазам.

Леся понятия не имела, сколько двоюродной тете лет, и даже приблизительно не могла установить ее возраст. Сорок? Да, наверное. Сорок пять? Возможно. Пятьдесят пять? Может быть... Полнота Александры Петровны, седая прядь волос над правым ухом, две глубокие морщины на лбу и тяжелый квадратный подбородок увеличивали годы, а кипучая энергия, холеные руки, гордая осанка и яркая одежда — уменьшали. Леся лишь знала, что день рождения тети в ноябре, что покойный муж был младше ее на пять лет, и умирать Александра Петровна в принципе не собирается: «Я еще вас всех переживу, мои дорогие. Должен же кто-то организовывать ваши похороны». И тетя Маша, и Антонина, и Сергей Сергеевич, и вечно недовольный жизнью дядя